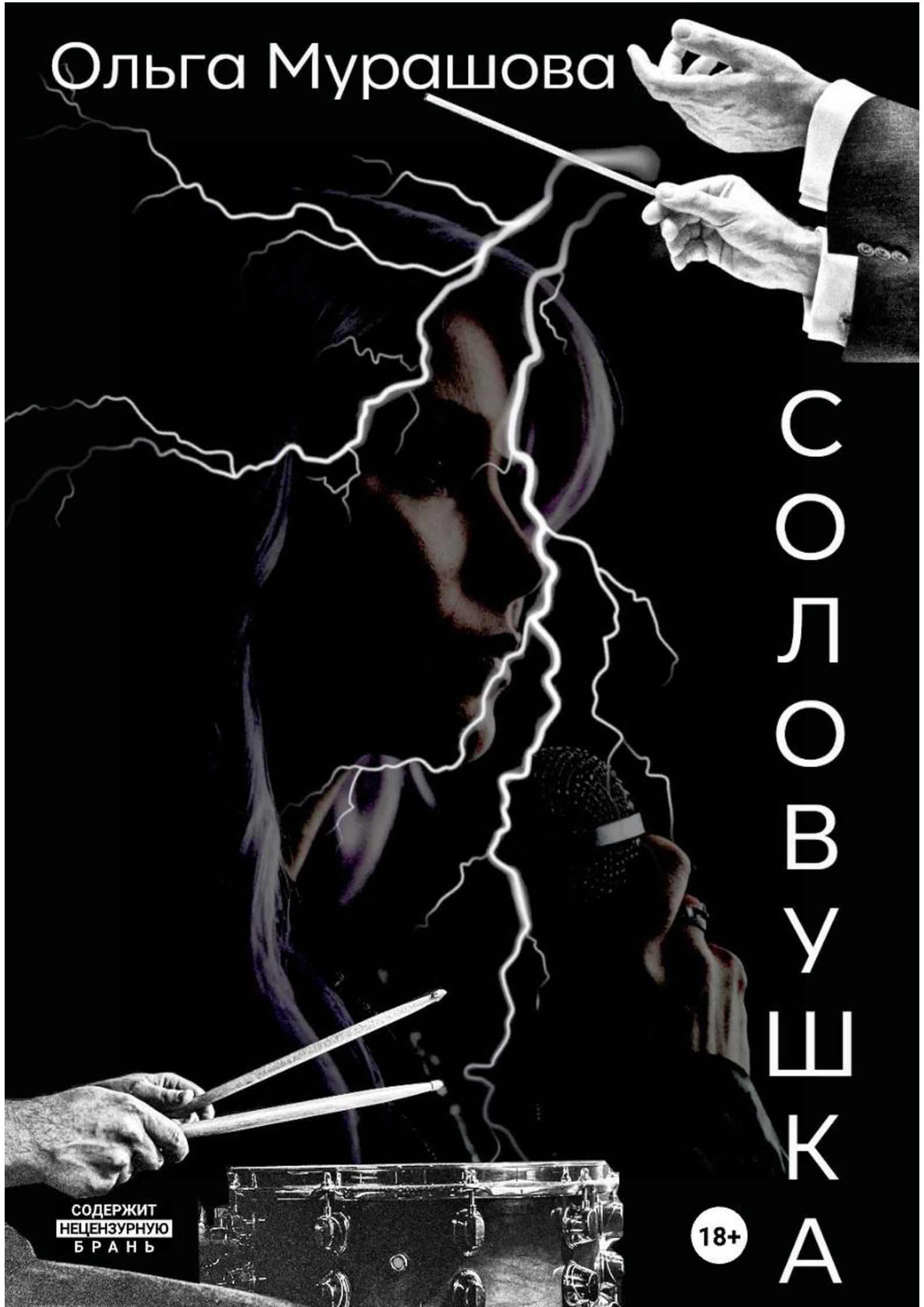

Ольга Мурашова

СОЛ
ЛО
В
У
Ш
К
А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Мурашова

Соловушка

«Автор»

2026

Мурашова О.

Соловушка / О. Мурашова — «Автор», 2026

Жизнь Кирилла Соловьёва - просто мечта. Хорошая работа, приличная семья, всё в шоколаде. Но только не для него самого. Ту жизнь, о которой он мечтал сам, у него однажды отобрали и, как ему казалось - навсегда. Выпивка, тусовки и череда прелестных подружек неплохо помогли ему забыть о том, что он потерял пятнадцать лет назад. Вот только у Кирилла есть и вторая сторона, о которой ничего не известно тем, кто знает его только как редактора в модном издательстве и сына известных родителей. Кирилл готов был играть в прятки до конца жизни. Пока однажды рано утром не услышал под своим окном песню, еще не зная, что фальшивящий, с хрипотцой, голос укажет ему путь к настоящему себе.

© Мурашова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Мурашова

Соловушка

Глава 1

— Послушай, Соловьёв, ты клялся мне, что в этом отеле не будет русских.

— Может, они не отсюда.

— Тот, кому они кричат — отсюда.

Шум в самом деле начинал раздражать. Мы с Викой не закрыли на ночь окно, потому что у нас нашлись занятия поинтереснее, и, как назло, прямо на следующее утро под балконом начали звучать отвратительно жизнерадостные женские голоса. Дуэт хриповатого меццо и звонкого сопрано.

Сначала они хихикали, потом меццо начала звать какую-то Лизу, а после началось совсем уже безобразие. Сопрано затянула на итальянском неаполитанскую “La spagnola”, а меццо попыталась подпеть ей, но сфальшивила на второй строке и тут же зашлась хохотом. Я прекрасно знаю итальянский, и исполнение резало мне уши — певунья, судя по всему, затвердила текст без попыток его осознать. Половину слов она перевирала. К тому же сопрано было не чистым, с каким-то раздражающим обертоном и периодически давало петуха.

Я покосился на столик, на котором ещё с вечера стояло ведёрко с растаявшим льдом, из которого торчала опустошенная нами с Викторией вчера бутылка — я тоже своего рода романтик и не укладываю женщину в постель без прелюдии и обязательных брачных танцев. Для меня это приятная игра и играю я по правилам. Но про ведёрко я вспомнил по другой причине. Это была единственная ёмкость в нашем номере, которую можно было наполнить водой и обернуть на веселящихся под моим окном нахалок.

Окончив куплет, голос прекратил издеваться над великим итальянским языком и перешёл в припеве на русский перевод. “О прерви же свой сладкий сон, о, выйди на балкон!” — припев дался сопрано полегче, голос внезапно попал во все ноты, и в нём появилось что-то вроде эмоций. Голос звал, обещал и был так игрив, что если бы я был Лизой — я бы вышел.

Вика закатила глаза, а я бросил взгляд на часы — что ж им не спится-то в такую рань? Ну выходи же уже, Лиза, думал я, и побыстрее. Давай, постарайся. Заткни их, наконец.

Я подкрался к окну и отвёл ладонью одну штору, ровно настолько, чтобы можно было увидеть нарушительниц моего спокойствия.

О боже, только не это.

На асфальте стояли две ну, девицами они были лет двадцать назад, но тётками их было ещё не назвать. Женщины. Обеим было лет под сорок точно. Сопрано принадлежал стоящей в третьей балетной позиции даме с сиреневыми волосами, собранными в хвост, рядом залиvisto хохотала владелица меццо — короткостриженная брюнетка. Обе были одеты на пробежку — в футболках и коротких, по случаю жары, свободных шортах. Стройные, меццо так даже тощая, с крепкими ногами и почти отсутствующей грудью, а щиколотку сопрано обнимала докучи пошлая цветная татуировка. Фиалковокудрая Афродита была обращена лицом прямо к моему балкону, её рука тянулась в мою сторону, и получалось, что серенаду она исполняла именно мне. Голубые глаза чуть не поймали мой вороватый взгляд в просвете портьер.

Соседнее окно внезапно стукнуло, распахнувшись, и оттуда донёсся третий голос:

— Заткнитесь уже, сейчас спущусь.

— Упс, это не то окно, — меццо хлопнула себя ладонью по лицу. — Нинка, твоя серенада была не по адресу.

— Что ж, надеюсь, им тоже понравилось, — ответила сопрано и мерзко, тоненько захихикала.

Зря надеетесь, дамы, подумал я. Совсем не понравилось.

Из дверей отеля, зевая, выползла третья бегунья, и вся троица трусцой покинула двор.

Уф. Занавес!

Я отпустил шторы, легко прошелествующую по паркету, и обернулся к кровати, где, даже не пряча под простынью обнажённое тело, возлежала Вика, и это зрелище занимало меня гораздо больше, нежели суета за окном.

Она словно сошла со страниц глянцевого журнала прошлого десятилетия, когда там ещё ничего не слышали про бодипозитив, писали токсичные статьи о том, что если женщина питается чем-то, помимо сельдерея, то путь ей в жирные коровы, и нещадно фотошопили все снимки под один стандарт. А передо мной был не фотошоп, всё исключительно натуральное — и длиннющие ноги с изящными щиколотками, и круглые ягодички, такая же круглая грудь, водопад золотых волос на плечах и личико с прелестными щёчками и пухлыми губами.

Было бы ей лет на десять больше — я бы засомневался в натуральности всей этой убийственной красоты, которой я с момента начала нашего романа так и не мог пока насытиться, уж больно она была идеальной, но в её двадцать три года время для вмешательств ещё не пришло. И больше всего мне сносило крышу от факта, что я в любое время могу протянуть руку и взять всё это себе.

Например, прямо сейчас.

Я начал прикидывать, как бы мне хотелось это сделать. Пожалуй, на этот раз я не желал африканской страсти, я хотел её медленно и лениво.

— Убрались, наконец-то?

— Воспринимай это, как пение птичек, дорогая, — сказал я, скользя взглядом по аппетитному Викиному бедру. Может быть, догги-стайл? Вид её спины с уютными ямочками над крестцом лишал меня разума.

— Я была уверена, что ты скажешь этим соловьям, куда им надо идти. Завелись с утра пораньше.

— Соловьи поют только ночью до рассвета, Вика. Потом им некогда. С утра пораньше — это лазоревки, дрозды. Щеглы ещё, — рассеянно уточнил я, когда мой взгляд упёрся в её круглую грудь.

Или усадить её сверху? Отличный вид мне будет обеспечен и в этом случае, но усилий я затратю меньше.

— Да пофиг. Мог бы и разогнать этот птичий хор, мужик ты, или куда? Или мне самой надо?

— Я же не мог выйти на балкон *прямо так*.

Разумеется, я тоже был не одет. Посему то, о чём я думал в данный момент, разглядывая её роскошное тело, для Вики было предельно очевидным.

— У-у, Соловьёв. Никогда не думала, что филологов *настолько* прёт с русского языка. Стоило тебе только услышать за окошком родную речь Ну раз так, тогда иди сюда, — рука Вики погладила простыни рядом с собой. — До завтрака у нас найдётся время ещё на один заход.

На следующее утро под окном снова было шумно. Песен уже не пели, но переговаривались и хихикали. Те же голоса, что и вчера.

Чёрт, Лиза, думал я, вдавливаясь лицом в подушку, ну сколько можно копать, какая же ты необязательная женщина! Я уже готов был выяснить, в каком номере она живёт, и подарить ей будильник. Я бы даже ленточкой его обвязал.

Но раз Вика просила поставить этих дам на место, надо попробовать выразить им своё неудовольствие. Я быстро обернул бёдра полотенцем — за халатом надо было идти в ванную, что создавало риск опоздать на разборку, и открыл балконную дверь.

— Леди, доброе утро.

Две пары глаз — карие и голубые, синхронно поднялись на звук моего голоса. Сегодня дамы собрались на велосипедную прогулку, отметил я, обратив внимание на два прислоненных к одинокому дереву во дворе велосипеда. Третий сопрано держала за седло. Обе распахнули рты — очевидно, им тоже сказали, что русских в этом отеле не будет. Но тощая меццо быстро очнулась, окинула меня взглядом и одобрительно присвистнула.

Я бы оценил комплимент, будь он не в такой пошлой форме. Да и вышел я не для того, чтобы впечатлять их своим сложением, тем более, что оно было хоть и общественно одобряемым, но не идеальным. Семь из десяти девушек, которым я предлагал выпить вместе, моё предложение принимали. Но три-то отказывали. В сегодняшней выборке была одна положительная реакция и одна нейтральная. Хотя нет, если считать Вику — положительных было две, так что стандартная пропорция приблизительно сохранялась и тут.

Облокотившись на перила, я продолжил:

— Я был бы очень признателен вам, если бы вы собирались по утрам в другом месте. Вы второй день мешаете мне спать.

— Так это мы вам вчера серенаду пели? — улыбнулась сопрано. — Извините, мы думали, что это окно нашей подруги. Больше не будем.

— Больше не надо. Пение — это не ваше, особенно на итальянском. Он у вас ужасен. Признавайтесь, вы же его никогда не учили?

Дамы залились смехом. Соседнее окно скрипнуло, открываясь, и из него высунулась лохматая русая голова.

— Сейчас спущусь, — голова повернулась в мою сторону и почти тут же снова скрылась.

Стукнула ещё одна оконная рама, на этот раз сверху, и оттуда раздались отборные ругательства на хорошем итальянском. Я только успел поднять вверх указательный палец и открыл рот, собираясь поставить это произношение в пример сопрано, как на меня обрушился поток ледяной воды, мимо моего уха просвистел пластиковый тазик, и, упруго отскочив от перил балкона, шумно покатился по двору. Соседи сверху думали о том же, о чём и я, но вот не удержали ёмкость, не удержали.

Бракоделы.

Хохот, как и следовало ожидать, только усилился, а велосипед сопрано гулко грохнулся о белые камни, которыми был вымощен двор. Похоже, в нашем отеле сегодня не выпится никто.

По моему лицу и телу бежали капли, бедра облепило промокшее насквозь полотенце, а я думал, что, с одной стороны — могли бы и тёплой набрать, изверги. А с другой — что ж, теперь я окончательно проснулся.

Русоволосая Лиза, пропустившая весь спектакль, уже принимала велосипед у задорно хохочущей подруги, явно не понимая спросонья, что вызвало такое веселье. Фиалковокудрая сопрано, обернувшись, скользнула по мне взглядом, смутилась и отвернулась. А потом повернулась снова:

— Извините ещё раз. Спокойной, эээ ночи.

Ее подруги уже выкатывались из двора. Сопрано вскочила в седло и помчалась их догонять.

— Что случилось? — Вика смотрела на меня круглыми глазами, когда я закрыл за собой балконную дверь и начал утирать мокрым полотенцем лицо, куда ещё текло с волос.

— Пока я думал, другие делали, Вика. Но дамы обещали больше не шуметь.

Дамы слово сдержали — следующее утро было тихим. Настолько, что я проснулся от тишины и понял, что сна у меня ни в одном глазу. Я обернулся на сладко сопящую Вику, но лежать уже не было никаких сил, и я встал и подошёл к окну. Немного откинув занавеску, я выглянул во двор — пусто. Даже жаль.

Я к этим дамам не был в претензии — они меня забавляли. В отличие от Вики, которая бесилась, только услышав их голоса. Бесплатное же шоу, можно сказать. Скоморохи.

Или скоморошицы? Мне нравились феминитивы, о которые не ломается язык.

В моём окружении вести себя так, как они, считалось следствием дурного воспитания, но непосредственность этих трёх немолодых граций была по-своему прелестной. Вика, в отличие от них, была воспитана хорошо. А ещё она была юна, сложена, как богиня, не трогала рыбу ножом и умела поддержать светскую беседу, ну, или многозначительно замолчать там, где требовалось, или где беседа уходила в русло вне её компетенций, увы, весьма ограниченных. И не заходилась смехом по каждому поводу.

Она была одобрена моими родителями “для выхода”, и я спокойно мог появляться с ней на премьерах, выставках и прочих мероприятиях такого толка, но, разумеется, не для чего-то более серьёзного. Для чего-то более серьёзного, по их мнению, годились только девочки из хороших семей, а круг этих семей они, мои родители, определяют сами.

В этом кругу я насчитал примерно пяток старых дев, а остальные приличные девочки ещё не закончили школу. Закончив школу и проявив здоровый интерес к противоположному полу (и прочим жизненным удовольствиям), девочки переходили для моих родителей в категорию неприличных, и жениться мне, таким образом, в ближайшее время не светило в связи с полным отсутствием одобренных кандидатур. Да и слава богу, если честно. Продолжить славный род Соловьёвых я мог и позже.

Взамен мне удалось выторговать для себя свободу встречаться почти с кем захочу, с аргументацией уровня “для здоровья” и условием “не позорить родителей на людях” — тоже довольно расплывчатым. Позорю я их или нет, я обычно узнавал по факту. Мою сыновнюю почтительность папенька и маменька поддерживали такими откровенными манипуляциями, что я, образованный человек тридцати двух годиков отроду, каждый раз, когда мать хваталась за сердечные капли, а отец угрожал лишить наследства, удивлялся, почему это на мне ещё срабатывает.

Несмотря на Викины многочисленные таланты, в постель она меня тащила долго. По её изначальной задумке я должен был достаться ей переходящим призом от её подружки, такой же юной бездельницы, ой, простите, художницы, которая после нашего расставания дала мне очень лестные рекомендации. Но я в тот момент уже вляпался в короткий роман со стажёркой из “Литературной газеты”, бурный настолько, что я не сразу заметил, как Вика начала *случайно* попадаться мне на глаза по всем тусовкам, на которые я выбирался, только что у подъезда не дежурила. И однажды, рассматривая под шампанское на каком-то вернисаже жемчужную нить на её шее, сбегаящую в ложбинку между грудей, я решил — а почему, собственно, нет? Клянусь, она выдохнула с облегчением, когда я, наконец, пригласил её к себе. И пока я об этом решении не пожалел. Мне некогда было жалеть.

В житейском плане Вика оказалась умненькой, не смотри, что путала оппортунизм и апартеид: обеспеченный, постарше неё, хорошо одетый, с собственным местом для свиданий, кандидатской степенью и хорошо подвешенным языком, я выгодно смотрелся на фоне окружавшей её подружку богемной шантрапы, даже без учёта того, о чём та рассказывала ей шёпотом на ухо. И настолько же хорошо Вика понимала, что эти отношения не навсегда — я и сам не помню, какие у меня были хотя бы более-менее продолжительными.

А что самое смешное — чёрт побери, я-то был совершенно не против продолжительных! Формат one night stand я пробовал пару раз и он меня категорически не устраивал, к тому же хотелось запоминать в год хотя бы одно имя вместо трёх. Я оказался, как та корова из анекдота — “А поговорить?”. Просто наговаривался всякий раз очень быстро, остывая к каждой своей даме месяца через два, почему — бог весть, но со временем ситуацию принял и эти два месяца старался сделать для них максимально приятными. Чтобы было, что вспомнить, и остаться для них хорошим бывшим.

Вика вот потом будет, улыбаясь, вспоминать наши каникулы в Италии: много солнца, вкусной еды, много вина и умопомрачительный секс с ласковым и умелым парнем. И это “потом” случится ещё месяца через полтора, не раньше. Она даже успеет забыть этот неприятный инцидент с взбесившими её буйными соотечественницами.

Я внезапно обнаружил себя насвистывающим мелодию “La spagnola”.

До чего же прилипчивая песенка.

Весь день я был в настолько хорошем настроении, что вечером умудрился снова перебрать с вином, и на следующее утро мне пришлось в искупление своего греха отпустить Вику разорять модные миланские лавки в одиночестве, а самому остаться в номере с занавешенными наглухо окнами. Главное, думал я, пытаюсь унять звон в раскалывающейся голове — постараться сдержаться и не набраться и сегодня тоже. Назавтра у нас была заказана экскурсия на какой-то уникальный виноградник, куда Вике настойчиво рекомендовали попасть. Пока что я не мог разделить её энтузиазм: любая мысль о виноградниках, винодельнях и их продукции вызывала приступ тошноты.

Налив себе стакан воды, я, поддавшись какому-то искушению, откинул штору и только успел увидеть три пары жилистых ног в кроссовках, трусивших вон со двора. Молодец, Елизавета, как там тебя по отчеству, ты делаешь успехи, думал я, опустошая стакан. Но взглядом залип на цветное пятно на щиколотке другой дамы и очнулся только тогда, когда оно пропало из поля зрения.

Выйти из номера в относительно приличном виде я смог только к вечеру. Мысль о еде уже не вызывала отвращения, даже наоборот, я ощущал вполне заметный голод, который и выгнал меня в направлении ближайшего кафе. Вика сообщала, что вот-вот уже соберётся назад, но ждать её я не стал — настолько хотелось есть. Я выбрал столик на улице, сделал заказ, и пока неторопливые повара в этой трагтории готовили мой ужин, он же обед и завтрак, пил кофе и разглядывал посетителей.

За одним из соседних столиков сидела дама, словно телепортировавшаяся сюда прямоком с одного из парижских бульваров. В чёрном платье на бретельках и тёмных очках, она задумчиво крутила перед собой бокал с вином и смолила самокрутку.

Мой взгляд опустился ниже. Платье было длинным, два разреза по бокам показывали ножки в открытых сандалиях, но лишь чуть-чуть, до колена. Дама закинула ногу на ногу, и тут я вляпался своим взглядом прямо в цветную татуировку на щиколотке.

Певунья. Как бишь её Чёрт, её подруга называла имя, но оно напрочь вылетело у меня из головы. Её сиреневые локоны почти полностью скрывались под лихо заломленным на затылок соломенным канотье из ближайшей сувенирной лавки, с чёрной лентой в тон платью, поэтому я и не узнал её сразу. Лишь пара выбившихся прядей спускалась на длинную шею, переходящую в спину, которую платье открывало гораздо откровеннее, нежели ноги. Удавлив свою самокрутку в пепельнице, она повернула голову и заметила меня. На её лице был макияж, не очень очевидный, но он был. Она растянула в улыбке подкрашенные губы и помахала мне рукой. Что ж, придётся проявить немного вежливости.

Я подхватил свою чашку и присел за её столик.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — она сняла очки и положила их рядом с ножкой своего бокала. — А в одежде вы так же хороши, как и без.

Я опешил. Во мне боролись чувство удовольствия от комплимента с ощущением, что комплимент предельно неуместен, особенно от женщины, которую я видел третий раз и первые два были издалека.

— Вы такой смешной, когда удивляетесь. Не волнуйтесь, это во мне говорят два бокала вина. Трезвую меня вполне можно показывать английской королеве. Выспались?

— А где ваши подруги?

— Лиза опять копается и Дина пошла её поторопить. Вот, развлекаюсь тут с бутылкой.

— Вас вчера не было во дворе.

— Да, мы ходили купаться. Встретились прямо там.

Я положил обе руки на столик и удивленно наклонил голову. Разнообразие увлечений этих дам начинало поражать даже меня.

— Готовитесь в триатлон?

Незнакомка подалась ко мне и заговорщицки прищурилась. Теперь я мог рассмотреть её лицо в самых мелких деталях. Пожалуй, сорок ей уже исполнилось. Никакая косметика уже не могла замаскировать вертикальную складку между её бровями. Не справился бы и ботокс — моя матушка уже испытала на себе некоторые новинки индустрии вечной молодости и неплохо в ней понимала. Ну и я немного, за компанию.

— Упаси господь, — сказала она и расхохоталась. Говорила она чуть ниже, чем пела, на полтона, и обертон, так раздражавший меня в первый день, как я его услышал, в этот раз не резал слух, а придавал голосу перчинку. Учитывая самокрутку, я даже понял, откуда он у неё взялся.

— Кирилл, — я протянул ей руку.

— Нина, — она слегка пожала мне пальцы.

Точно. Нина. Теперь я вспомнил. Тем временем моя рука неожиданно поднесла её пальцы к губам.

— Вы москвич. Коренной, да?

— Да.

— Старомодные манеры и характерный выговор.

— А вы?

— Петербурженка. Тоже коренная.

— Вы не настоящая спортсменка, верно? — я кивнул в сторону пепельницы с двумя окурками.

— Нет, бегаем мы для души, причём в прямом смысле. Знаете, есть выражение “бегом от инфаркта”, а у нас это “бегом от психушки”.

— А чем же вы занимаетесь? Что не пением зарабатываете, это я в вашем голосе уже услышал. За это не платят.

— Вожу трамвай.

Я опешил второй раз.

— Какой?

— Четвертак. Но иногда и другие маршруты.

— Вы меня разыгрываете, Нина.

— Ни капельки. А чем занимаетесь вы?

— Я литературный редактор и немного критик.

— Понятно, вы профессиональный зануда. Молодой и привлекательный зануда. Как вас угораздило в таком возрасте, а?

Чёрт, она что, флиртует со мной? Я пристально посмотрел на неё — на солнце её голубые глаза стали совсем светлыми и даже немного отливали бирюзой, чёрные зрачки весело поблёскивали в тени длинных накрашенных ресниц, а на щеках заиграл очаровательный румянец.

— Нина, это точно были только два бокала?

— Два с половиной. Ваше здоровье, — она подняла бокал и допила его одним глотком. — Теперь три. Там вашу еду принесли.

Я оглянулся. Возле столика, за которым я раньше сидел, в самом деле мялся официант. Я поднял руку и по-итальянски попросил его поставить всё на столик, за которым я беседовал с Ниной.

— Красиво сказано, но ничего не понятно, — Нина подпёрла голову рукой. — И чудовищно аппетитно пахнет, но мы сегодня ужинаем в другом месте. Как только эти две курицы перейдут дорогу, я с вами попрощаюсь.

С другой стороны улицы в самом деле шли её подружки, расфуфыренные, как в театр. Брюнетка Дина сверкала красивыми коленками из-под подола короткого белого платья, а чуть сзади семенила засоня Елизавета, путаясь в аккуратно уложенных русых локонах и подметая мостовую бордовыми палаццо. Когда они подошли ближе, меня обдало ароматом мускуса. Дамы словно собирались на охоту, и я готов был пожелать им удачи от чистого сердца.

— Знакомьтесь, это Кирилл, мы каждое утро не даём ему спать.

— Лиза, — недовольно протянула моя русоволосая соседка.

Уж тебя-то, красотка, я запомнил хорошо, подумал я. Красотка переминалась с ноги на ногу и постоянно пыталась заправить волосы за уши. В локонах ей было явно неудобно.

— Динара, — сказала вторая.

— До свидания, Кирилл, — Нина поднялась с плетёного стула, даже не подав мне руки на прощание. Но моё вышколенное тело моментально вскочило вслед за ней, а ладонь поймала её пальцы, чтобы ещё раз поднести к губам.

Я не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за её реакцией. В эту игру, Нина, подумал я, можно играть и вдвоём. Перед подружками так весело не будет, верно?

За спиной я снова услышал бесцеремонное посвистывание Дины. Нина, посерьёзневшая и покрасневшая от неожиданности, резко выдернула пальцы, словно моя ладонь была капканом на крупного зверя и она могла их лишиться, и тут же повернулась ко мне спиной. Неразлучная троица медленно, по причине каблучков, поплыла вниз по улице, хотя по напряжённой спине певуньи я видел, что ей не терпится убраться от меня подальше. Ну вот и славно.

Я уселся за столик, немного проводил их взглядом, и повернул вилку в тарелке с пастой, и в самом деле источающей умопомрачительный аромат.

— А ты, гляжу, тут прям вообще не скучаешь.

За моей спиной стояла Вика с тремя пакетами, судя по надписям на которых, мой счёт основательно похудел. Пришлось бросить пасту и вскочить ещё раз.

— Привет, родная, — я обнял её и поцеловал в губы. — Как твой шоппинг?

— Не настолько яркий вайб, как у тебя, похоже.

Я бросил через её плечо взгляд ниже по улице. Нина стояла и смотрела на меня.

Секса этой ночью у меня не было.

И то, что его не будет, я понял, уже переступая порог отеля. Я кожей почувствовал электрическое напряжение, готовое разразиться грозой, как только Вика дотерпит до номера. Её воспитание не позволяло ей закатывать скандалы публично.

— Соловьёв, ты вообще не фильтруешь, что ли, кого трахать, лишь бы дышала? — бушевала она, стоило нам оказаться за закрытой дверью номера. — Да ты бы хоть в Тиндере свайпал, а не на улице подбирал! Эта уставшая роскошь с винишком в термосе тебе в матери годится!

— Вика, послушай — начал было я, делая к ней шаг, но в следующую секунду мне в грудь ударили обе Викины изящные ладошки, да так, что я плюхнулся задом на кровать и закашлялся.

У меня потемнело в глазах — похмелье в последнее время перестало проходить для меня даром. Вика продолжала что-то мне высказывать, но я так опешил, что не понимал половину её слов, оказавшихся обценным молодёжным сленгом, с которым я не очень дружил, тем более, что в запале она скакала с претензии на претензию, и, в конце концов, я окончательно перестал понимать в чём же именно меня обвиняют. Более-менее ясен был только основной пункт, высказанный мне с применением непечатных выражений. И куда только подевалось её прекрасное воспитание?

— Это был просто разговор — сделал я ещё одну попытку.

Тут же мне в лицо полетела моя кредитка, выданная утром на покупки. Я успел зажмуриться и её твёрдый краешек врезался мне в скулу. Тогда я благоразумно решил молчать и не шевелиться — мало ли что Вика схватит следующим. А драться я не умел.

Поэтому сидел на кровати, слушал и недоумевал — как я мог в ней так ошибиться. Я до конца не понял, что возмутило её сильнее: то, что я разговаривал в кафе с женщиной, или что эта женщина была старше меня, и, соответственно, её, Вики, тоже — и то, и другое она ставила мне в вину. Отдельной претензией она выставила мне то, что я *смотрел* на Нину, но, чёрт возьми, невозможно разговаривать с человеком и не смотреть на него. Это, как минимум, невежливо. Поэтому я не оправдывался — не за что. Да и я не чувствовал себя виновным, ни на вот столько — мы с Ниной просто беседовали, обычный смолл-ток.

Недоумевал я ещё и потому, что Вика заранее знала, что наши отношения долго не продлятся, поэтому предъявлять мне претензии, которые обычно предъявляют законные супруги, было с её стороны необоснованным.

Я так и сказал ей, поймав паузу в льющемся на меня потоке слов, пока ещё не успел захлебнуться в нём окончательно.

Это взбесило Вику ещё сильнее, и в скулу, уже оцарапанную кредиткой, мне прилетела звонкая оплеуха, сопровождаемая предложением сходить в пешее эротическое. Потом Вика покидала свои вещи, включая нарядные пакеты с сегодняшними обновками, в чемодан и вызвала такси.

Офигеть, кажется, меня бросили, думал я, продолжая сидеть на кровати в той же позе и прижимая ладонь к горячей огнём щеке.

Я даже дверь за Викой не закрыл, лишь услышал, как она хлопнула ей так, что задрожали стены. Откинувшись назад, я растянулся поперёк широченной кровати и закинул руки за голову, тупо пялясь в потолок. Ощущения, надо признаться, были для меня крайне необычными.

Не то, чтобы меня ни разу не бросали женщины — пару раз они успевали это сделать до того, как я сам разрывал отношения, но ни одна из них не делала этого с такими спецэффектами. Насилие дамы ко мне раньше применяли только в рамках любовных игр.

В целом, это было и неплохо — узнать о том, что Вика ревнивая и неуравновешенная, сейчас, а не когда пришло бы время сообщить ей, что наши отношения закончены. Это могло создать проблемы, а проблем я не любил. Но я за две недели, проведённые с ней в постели, только вошёл во вкус, и оттого мне всё ещё было немного досадно. Я рассчитывал провести и этот вечер, и ближайшую неделю совсем не так.

Глава 2

Спать мне пока не хотелось, и, одурев от сидения в пустом номере, я решил прогуляться до бара и немного выпить, для хорошего сна. Почти все заведения уже позакрывались, но я знал неподалеку место, которое точно ещё было открыто. На закуску уже можно было не рассчитывать, а пить на пустой желудок рискованно, но я прикинул, что за оставшееся время я не должен был успеть сильно надраться. Ровно настолько, насколько требовалось.

В баре былолюдно и шумно, несмотря на то, что ему вот-вот пора было закрыться. Складывалось ощущение, что выпивохи со всего города решили оторваться, как в последний раз, и эта мысль пришла им в голову одновременно. Но первое, о чём я подумал, войдя внутрь — о нет, только не они.

Вся троица сидела в баре и развлекала публику. Окружённые толпой восхищённых мужиков, дамы откуда-то добыли две гитары и устроили импровизированный концерт. Растрёпанная, как Джанис Джоплин, и босая Лиза сидела на высоком барном стуле, склонив русую голову и подобрав одну ступню, и виртуозно играла какой-то незнакомый мне блюз, крепко бравший за сердце. От её локонов даже воспоминания не осталось, но её это, судя по всему, абсолютно не парило. Тошая Динара, скрестив красивые ноги, вторила ей на другой гитаре, пела своим хриловатым меццо, и в её чувственный голос эхом вплетался высокий пронзительный голос Нины.

Немного поразмышляв, я решил, что выпить хочу больше, чем сбежать, тем более, что бежать было некуда. Очень может быть, что этот блюз — как раз то, что нужно мне здесь и сейчас, помимо выпивки, разумеется. Я присел у барной стойки и спросил у хозяина рюмку граппы, но он словно не услышал меня. Тогда я попросил погромче и он, очнувшись, бросился за бутылкой.

— Вам как обычно, Кирилл?

— У вас сегодня живая музыка, Пьетро? — спросил я, кивнув в сторону бутылки с граппой. — Жаль, что я не знал, я бы раньше пришёл.

— Ой, такая история! — почти шёпотом, будто боясь потревожить мелодию, затараторил хозяин, одной рукой наполняя мне вожаделенную рюмку, а второй жестикулируя так, что у меня аж голова закружилась. — Пришли эти синьоры, уже хорошо выпивши, хлопнули ещё по одной, слово за слово, на спор потребовали гитару. Женщины они красивые, просто чума, как им отказать? Парни поначалу думали, что ерунда, но они тут второй час так поют, что я два раза плакал, сердце старого Пьетро не камень. Уже и закрываться пора, но не могу оторваться слушать этих *usignoli*. Посидите со мной, не пожалеете. Хотите ещё рюмку?

Первую граппу я уже опрокинул залпом и от желудка начало растекаться приятное тепло.

— Пожалуй, что хочу.

Тем временем блюз оборвался. Я увидел Нину, бросившую в сторону быстрый взгляд, и с той стороны моментально протянулась опоясанная фитнес-часами мужская рука с бутылкой воды. Нина приняла ее, припала губами к горлышку, и сделав несколько глотков, передала бутылку Дине. Лиза, подняв голову, посмотрела куда-то в пространство, словно сквозь всех присутствующих, ухмыльнулась половиной рта, и снова прикоснулась к струнам.

Я узнал эту рок-балладу с первого аккорда, потому что вдоволь наплакался под неё в юности, но Лиза взяла его на тон выше оригинала. Значит, она играет не для Дины. Дина бы и с оригиналом справилась.

Нина тем временем нежно, интимно, прижав ладонь к ключицам, будто ей не хватало воздуха, вступила в мелодию. Я, ушибленный первой граппой, как замороженный смотрел на её чёрное платье и слушал надрывный, нечистый голос, звенящий множеством отражений в этом

крохотном баре. Вторая граппа доходила в желудке, а предусмотрительный и хитрый хозяин уже поставил рядом со мной третью.

Usignolo, так сказал Пьетро?

Соловей. Соловушка.

Поёт по ночам до рассвета.

Если бы Пьетро говорил по-русски, я бы даже подумал, что он каламбурит, но, во-первых, он не умел, а во вторых, я представился ему неделю назад просто Кириллом. Кроме этого и ещё, пожалуй, моих алкогольных предпочтений, он обо мне ничего не знал.

И тут вступили остальные. Хрипкое меццо Дины и её гитара, сплетя весь звук в завершенное и совершенное полотно. Пальцы Лизы стукнулись о корпус гитары, схватив воздух.

Ага, родная, подумал я. Ты в этом месте по привычке ищешь тремоло, но на акустике её нет. И я внезапно всё о них понял. Они были связаны крепче, чем я думал. И песня была выбрана не случайно.

Граппа в моей крови точила своим ядом рамки моего разума, просачиваясь за тройной контур колючей проволоки, которой я сам обнёс этот кусок моей жизни, чтобы вся боль осталась по ту сторону.

Я закрыл глаза и очень чётко увидел Лизу, отбрасывающую назад копну русых волос, и возвращающую пальцы на струны электрогитары. Я увидел, как она во время соло ставит ногу на монитор и отталкивается от него с последним аккордом. Я увидел Динару, по-мужски держащую бас на узких бёдрах, повернувшую в сторону скуластое лицо и внимательно следящую, поймала ли подруга её ритм. Я увидел Нину, обхватившую обеими руками микрофон и оставившую между ним и своими губами буквально несколько миллиметров. Я увидел, как она, стоя в столбе света, выбрасывает кулак вверх.

Я услышал ударную партию — я помнил её наизусть.

Она была совсем несложная. Подушечки моих пальцев ощутили под собой гладкое дерево.

О господи, почему именно сейчас?

Мелодия пошла в эндшпиль. Пальцы Лизы терзали струны так, что мне казалось, она вот-вот их порвёт. Меццо Дины временами переходило в глухой рык хищницы, готовой на всё, чтобы защитить это их братство. Сестринство. А голос Нины несколько раз уходил в такой космос, что я почти почувствовал, как стекло моей рюмки готово рассыпаться прямо в моих пальцах, смешав мою кровь с граппой напрямую — не от высокой ноты, а оттого что я сам его раздавил. И всем им в самом деле было наплевать, что о них подумают. Они пели о себе самих.

И немного обо мне.

Последнюю ноту Нина сорвала и закашлялась. Я даже порадовался, что она её не дотянула — ещё чуть-чуть и я нарушил бы главное правило моей семьи. Мальчики не плачут. По крайней мере, не плачут прилюдно.

Дина молча вернула подруге бутылку с водой.

— Упс, вокалистам пора перекурить, — засмеялась Нина, но Динара уже задавала новый ритм.

Раз-два-три-и-четыре. Раз-два-три-и-четыре.

Танго.

Лиза подхватила мелодию. Вторая граппа ударила меня очень неожиданно, зрение искажилось, и я теперь словно смотрел диафильм, выхватывая из всего действия только отдельные кадры. Диафильм, правда, был для взрослых.

Нина, отвечающая на белозубую улыбку синеглазого юнца, не сводящего с неё восторженного взгляда. Протянутая рука. Ножки в сандалиях делают шаг, потом ещё. Мелькают в разрезах чёрного платья.

Раз-два-три-и-четыре.

Пара, сплётшаяся в объятиях на маленьком клочке пола. Рука на обнажённой лопатке. И снова этот взгляд. Мои пальцы стиснули рюмку.

Этот юнец не имел права так на неё смотреть.

Перед моими глазами снова возникла Вика, бросающая мне в лицо претензии. Если бы она была здесь, я бы извинялся перед ней, стоя на коленях. Потому, что если я там, в кафе, смотрел на Нину так же, за это стоило убить. Я был почти готов это сделать.

Третья граппа пошла в ход. Пьетро поднял было со стойки бутылку, но я накрыл рюмку ладонью — мне сегодня хватит. Я пьян.

И тут она заметила меня. Вперилась взглядом и снова растянула губы, давно утратившие помаду, в улыбке, точно такой же, как там, за столиком. Ударившей меня по башке ещё сильнее граппы.

Танго кончилось. Юнец поцеловал Нину в щёку, и выпустил, наконец, из кольца своих рук.

Она подхватила свою сумку, села к стойке напротив меня и начала скручивать самокрутку. Пьетро тут же поставил перед ней стакан с газировкой. И пепельницу — старый дамский угодник готов был простить этой сирене даже курение в помещении.

— Здравствуйте, Кирилл. Не нагулялись?

— Вы, смотрю, тоже не нагулялись.

— У нас другие обстоятельства и совсем немного времени. Но я как раз уже нагулялась. Выкурю сигарету и пойду в свой номер. Устала, — высунув кончик розового языка, Нина провела им по папиросной бумаге и прижала её пальцами.

Как там Вика выразилась? Уставшая роскошь с винишком? Возможно, она была точна, как никогда. Влажное от духоты в помещении и танцев лицо Нины лучилось таким удовольствием, словно она и в самом деле была навеселе. С такими лицами идут босиком по португальской мостовой, прыгают на спор в Сену, взахлёб целуются под московским проливным дождём. Поют по-русски и по-английски в первом попавшемся итальянском баре.

Флиртуют со случайным знакомым.

— А ваши подруги? — очнулся я.

— Они могут ещё столько же выступать, они привычные. У меня их закалки нет.

Она сосредоточилась на газировке. Флирт, кажется, отменялся. Ну да, парень-то оказался несвободен и усилий не стоил, как-то так. Нина прикурила от спички и только тогда удостоила меня взглядом.

— Вы без девушки? Почему? Самое время для романтических прогулок.

— Я, Нина, теперь совсем без девушки. Она меня, кажется, бросила, — я посмотрел на часы. — Уже пять часов как.

О том, что сама она в этом косвенно поучаствовала, я почему-то решил промолчать. Было и былём поросло.

— Сочувствую. А вы уверены?

— Что бросила? Ну, если девушка собрала вещи и уехала, я делаю именно такой вывод.

— Сцена?

— Закатила.

— Тогда не бросила. По-настоящему люди расстаются очень тихо и по-деловому. Я готова поспорить с вами, что она будет ждать вас в аэропорту.

— Спорим. На ужин, — я протянул ей руку, и она её пожала.

— Идёт. Мы хотя бы смогли прижечь ваши душевные раны?

— Раскалённой кочергой, — засмеялся я. — Ещё чуть-чуть, и я бы взял ещё граппы, а вы бы сейчас разговаривали с пьяным недоумком. Не надо больше, я уже решил, что до свадьбы заживёт.

— А помрёт — так помрёт, — улыбнулась Нина.

Я окликнул хозяина бара и попросил рассчитать меня.

— И да, Пьетро, я хотел бы заплатить за выпивку этих синьор.

Пьетро расхохотался в голос.

— Молодой человек, не в обиду вам — вы в этой очереди сегодня восьмой. Но старый Пьетро вас всех обскакал — сегодня эти синьоры пьют за мой счёт, — он цокнул языком. — А вы все дорастите сначала до таких женщин, сопляки, а потом можете тянуться за бумажниками.

Нина дотянула свою самокрутку до середины.

— Вы его чем-то рассмешили?

— Неважно. Но вы ему понравились.

— Я?

— Вы все, втроём.

— Насколько?

— Настолько, что ваша выпивка за счёт заведения.

Теперь засмеялась Нина. Громко, счастливо, запрокинув голову. *Неприлично*, как сказали бы мои родители.

— Работаем за еду и выпивку. Впрочем, ничего нового. Не впервой.

— У вас группа?

— Иногда на нас находит, да. Это тоже для души, — Нина сделала последнюю затяжку и бросила окурок в пепельницу. — Что ж, до свидания, Кирилл. Ваш сон завтра будет предельно спокоен — вряд ли мы будем в состоянии орать у вас под окнами в семь утра. Я уверена, что Лиза не продерёт глаза до полудня, даже если отель загорится.

Я внезапно подался к ней всем телом и чуть не свалился с табурета.

— Извините, Нина Вы одна пойдёте?

— А что такого? — она взгромоздила на макушку слегка помятое канотье.

— На улице темно.

— На улице ночь, это логично.

— Позвольте, я вас провожу, — выпалил я.

— А, я совсем забыла, какой вы старомодный. Мафия тоже спит, Кирилл, я дойду и одна.

— Я провожу.

— Но нам не по дороге.

— Почему?

— Ваш отель мне не по карману, я живу, где попроще.

— Тем более нужно проводить. Может случиться, что мафия спит прямо там.

Мы вышли из бара под свист выпивох и крики “браво”. Меня слегка покачивало — всё же я успел надраться сильнее, чем планировал. Нина это заметила.

— Может, это мне вас нужно проводить?

— Нет, я в порядке. Сейчас на воздухе быстро протрезвею. Но в прошлый раз граппа у Пьетро была менее забористая.

— В прошлый раз вам помешали опрокинуть Сколько вы приняли на грудь?

— Три.

— Три рюмки подряд без закуски, а сегодня мешать было некому, я угадала? И что-то быстро вас развезло. Не рановато для проблем с алкоголем?

— Что вы, Нина! Алкоголь — не проблема. Алкоголь — это решение проблемы. Я не алкаш. У меня сегодня был повод. Я пил за несбывшееся, — и я сейчас говорил не о Вике. — Ваша музыка меня макнула туда, куда не следовало.

— Я, откровенно говоря, удивлена. Вам не столько лет, чтобы убиваться над таким старьём.

— Классику я знаю. И, между прочим, танго тоже танцевать умею. Однажды танцевал его прямо ночью на Копакабане, пока местная шантрапа совершала кражу моей сумки.

— Судя по всему, вы в принципе неплохо понимаете в музыке. Есть образование?

— Начальное. И, что важно — хороший слух от природы.

— Тогда вас должно было непрерывно корчить всё время, что вы сидели в баре. Я в половину нот не попадаю.

— Для вашего репертуара это простительно, рок-н-ролл — поле для экспериментов. Я насчитал минимум три способа, которыми вы обходите неудобную ноту. Ну и очень важно передать смысл песни, а с этим у вас проблем нет. Я почти готов взять свои слова о вашем пении назад. Впрочем, “La spagniola” была воистину ужасна, вы не старались. Я тогда даже подошёл к окну, чтобы

— Ага, всё-таки подошли. Значит, цель серенады была достигнута. And nothing else matters.

— В самое сердце бьёте, Нина. А долго ваши подружки ещё ураганить планируют?

— Слушайте, да оставьте вы их в покое. Я сегодня уже нагулялась, напелась, натанцевалась, напилась и протрезвела, получила всё, что хотела от жизни, и иду спать. А у них ещё есть дела.

Я вспомнил аромат мускуса. Ну да, конечно. Что ж, это они удачно зашли.

— Даже обидно, что я их совсем не заинтересовал. Обычно я конк конкурентоспособен, — я еле выговорил это, практически по слогам. Граппа — зло. Это ж надо, ударить меня по главному инструменту, которым я очаровывал практически любого — по речи.

— Вы сейчас ещё сильнее обидитесь, потому что я скажу, что это оттого, что вы русский.

— Я сейчас буду пытаться обидеться, а вы пока разверните мысль.

— У вас ко всему ещё и старомодное воспитание, Кирилл. Для вас все дамы тридцать пять плюс — неликвид. Да, вы будете целовать им руки, подавать пальто и придерживать дверь, но у вас даже мысли не возникнет заняться с ними любовью. Это не ваша вина, и даже не вина ваших родителей — у нас всё общество такое. Мы все в этом расколе маринуемся с детства: у вас, да и у меня тоже, если честно, было очень немного шансов посмотреть на этот вопрос с другого ракурса. А эти парни в зале по-другому смотрят и по-другому относятся. Если один из них утром проснётся с Диной, я за них обоих порадуюсь. Она красивая, свободная женщина с нормально развитым либидо. Ей совсем ещё не пора заворачиваться в простынку и ползти в умиральную яму, только потому, что в свои сорок два она, по мнению соотечественников, старуха.

— Но я так никогда — я осёкся. Именно так я до этого дня и думал.

В моей крови всё ещё бурлили граппа и адреналин, но это не должно было мешать мне соображать. Нина завуалированно назвала меня эйджистом, и такой упрёк, брошенный человеку, который пока ничем себя не проявил, в самом деле тянул на повод для обиды. Если бы это было неправдой. Но

Я быстро провел ретроспективу — ни одна из моих женщин не была старше двадцати пяти лет, остальные даже не попадали в моё поле зрения, и внезапно я осознал, почему это стало в последнее время так меня напрягать. Я становился старше, моё тело и моя голова зрели, а мои женщины — нет. Мой отец, интрижки которого не были для меня секретом лет с двадцати, тоже держал потолок возраста своих подружек в районе тридцати. Опущу тот момент, что моя мать, скорее всего, тоже была в курсе, но вот устраивало ли её это? Мой школьный приятель Андрей, довольно рано женившийся на женщине на три, мать его, года старше себя, был заклеимён подкаблучником и практически геронтофилом, собственно, поэтому он стал бывшим приятелем — наша компания просто вытравила его за свои пределы, а парень он был неплохой и настоящий друг. Я вполне мог назвать его другом.

Кровь с граппой бросилась мне в лицо.

— Эй, Кирилл, вы всё ещё в порядке? — Нина помахала у меня перед носом рукой и заставила очнуться. — Вы весь красный.

— Я в порядке.

— Хотите присесть? Я выкурю ещё сигарету.

— Сверните и мне, пожалуйста.

Мой отец за это снова пообещал бы лишиться меня наследства. Но до него примерно четыре тысячи километров и на таком расстоянии он не учует.

Я плюхнулся на холодную мраморную скамью, которой, судя по её виду, было лет пятьсот и больше всего она напоминала театральную декорацию, а не элемент благоустройства.

— А в чём же секрет, Нина? Неужели просто разница менталитетов? — я снова смотрел на кончик её языка, скользящий по папиросной бумаге.

— На этот счёт есть разные точки зрения.

Она протянула мне самокрутку и чиркнула спичкой. Я наклонился к её ладоням, защищающим маленький огонёк.

— Мне интересна конкретно ваша.

— Ну, моя версия заключается в том, что у нас занимаются любовью в первую очередь с телом, а тут — со всей женщиной целиком. С её мыслями, привычками, характером, ценностями, не расчленяя эти вещи и тело. Ох, извините за термин, но я из Питера, только понять и простить, — засмеялась она. — Вы можете придумать свою гипотезу, она будет ничем не хуже моей.

Я сидел и курил, еле сдерживая кашель — табак был крепкий, я от такого отвык.

— А можно я у вас обидное спрошу?

— Можно. Если будет очень обидное, я стукну вас по голове и спрячу тело в кустах. Камер тут нет, свидетелей тоже, искать вас некому.

Понять и простить, ну да, ну да. Я сделал вид, что пропустил её шуточку мимо ушей.

— Вот ваша татуировка. И причёска. Это разве не попытка выглядеть моложе? Примазаться к молодёжи, если угодно.

— Нет. Я это сделала потому, что раньше было нельзя, а теперь стало можно. Я многое по этому принципу делаю. С девчонками пою — тоже. Я ведь им не очень нужна, если так подумать, у них группа и без меня складывается.

— Но я не понял, солируете вы там или на бэк-вокале.

— Вы группу “АукцЫон” знаете или уже не застали?

— Знаю. А причем тут

— Я в группе вроде Олега Гаркуши. Отвечаю в основном за шоу и лёгкую атмосферу психушки на сцене. Могу совсем не петь, но обычно приходится, хоть на бэке. Ну пару песен под настроение могу сольно. Мы ж этим не зарабатываем. Мы и не выступаем почти — сегодня вам просто повезло, что Дина выпила лишнего и поспорила в баре с одним перспективным красавчиком.

— Кажется, я вам начинаю завидовать. Живёте в своё удовольствие.

— Ну, работать всё-таки приходится. Слушайте, может, мы тут разойдёмся? Мне недалеко, а вы какой-то ушибленный. Граппа вам на пользу не пошла.

— Нет, Нина. Я вам обещал.

— Тогда докуривайте и пойдём, иначе я усну прямо на этой скамейке.

За пять минут мы дошли до дверей её отеля. Как это ни странно — молча. Отель, действительно, был не бог весть что, но тёмные личности вокруг в самом деле не шныряли. Я мог быть за неё спокоен.

Но внезапно я понял, что не наговорился.

— У вас есть планы на завтра?

— Спать до полудня, потом вкусно есть, потом ещё не решила. От девчонок зависит.

— Вы не хотели бы Тут совсем недалеко есть винодельня, туда можно с экскурсией. Я сегодня то есть уже вчера не попал, планы поменялись, а очень хотел. Боюсь, мне одному будет скучно.

— Предложение интересное. Вы вроде бы не маньяк.

— Приходилось видеть? — моя бровь почти без моего участия поползла вверх.

— Имела честь, пару раз, — ответила Нина и пожала плечами. — Ничего особенного.

— А интересно живут у вас в Питере Покажите, где ваше окно.

— На втором этаже, второе справа. Зелёные занавески.

— Я буду стоять тут в четыре часа дня. Покричу вам в окошко, если вы будете там, поедем вместе, если нет — поеду один.

— Идёт. До свиданья?

— Да, до свиданья.

Она пожала мне руку и исчезла в дверях. А я ещё немного пошлялся по мостовым скамеечному ночного городка, мимо хаотично наклепанных среди скал, словно гнёзда ласточек, вилл, увитых по самые крыши зеленью и цветами, чувствуя себя героем Шекспира. Не Ромео, конечно, но Меркуцио — вполне.

Чёрт побери, думал я, а это место и в самом деле располагало к серенадам — я лично уже был готов стоять под балконом и распевать что-нибудь нежное и манящее, плаваясь от любовного томления.

Если бы было кому, конечно. Романтическая линия в моей пьесе, увы, закончилась.

Вернувшись, наконец, в свой номер, я снова развалился поперёк кровати прямо в одежде. Сна опять не было ни в одном глазу, несмотря на уже очень поздний час и потихоньку отпускающую меня пьяную одурь.

Как она сказала? Раньше было нельзя, а теперь стало можно. Кто знает, что она имела в виду, но я был в ровно противоположной ситуации. Раньше было можно, а однажды стало нельзя.

Сегодняшний вечер снова приоткрыл заколоченную, как мне казалось, дверь в ту бездну отчаяния, в которой я оказался, когда понял, что моих дисков с музыкой больше нет в моей комнате. Мои родители собрали всё, включая плакаты с The Doors и Led Zeppelin с моих стен. Они даже мои фанатские футболки из шкафа вытащили. Куда они это все дели, я от них так и не узнал, хотя я до сих пор помню, как орал этот вопрос в их спокойные лица. В тональности Йена Гиллана, исполняющего Gethsemane, кто бы мог подумать. Я не уверен, что ещё хоть раз в жизни смогу взять эту ноту, но тогда было очень похоже. Потому что мне прищемили нечто более чувствительное, чем яйца.

Моих палочек я тоже не нашёл, разумеется.

Ибо всё это попадало под то самое расплывчатое понятие “позор семьи”.

Мой отец в молодости был очень популярным пианистом, потом, совсем недолго — дирижёром, и даже сейчас, когда он уже сам не выступал, а владел продюсерской компанией, продвигающей на мировую сцену молодых академических музыкантов, рок-н-ролл и, уж тем более, панк-рок за музыку не считал. Мать, бывшая актриса, была с ним заодно. Родители ещё готовы были терпеть меня в качестве будущего джазового музыканта и даже платили за мои занятия с очень хорошим преподавателем, помимо музыкальной школы, но джаз мне был глубоко неинтересен.

Зато я им успешно прикрывался почти три года, последний из которых я фактически играл в группе — мой преподаватель обучал не только джазовых барабанщиков и имел очень широкие знакомства в среде, куда я так хотел попасть. Я не был гением, но ударники в большой цене в начинающих коллективах и свою банду я отыскал очень быстро. Это был просто улётный год, я постоянной практикой прокачал своё мастерство до уровня, с которым уже не

стыдно было и на большую сцену. В конце концов, панк-рок в основном требует куража, силы и выносливости, а не знания сотни хитрых приёмов.

Мы начали потихоньку давать концерты. Да, в клубы, где мы играли, приходило человек сто максимум, но я был рад и тому — драйв, который я получал на тех концертах, я до сих пор вряд ли могу с чем-то сравнить. Денег-то мы почти не зарабатывали: еда и выпивка, как метко сказала Нина. Если что-то перепало, я тратил всё на диски и новые палочки — иногда я умудрялся убить две пары за концерт.

Проблемы начались, когда на наши концерты стало приходиться больше, чем сто человек, и большинство из них не были знакомыми парней, с которыми я играл. Но для себя я тогда никаких проблем не видел — поскольку мои родители такого рода музыкой не увлекались, у меня была иллюзия, что я смогу находиться вне их поля зрения до самой мировой славы.

Мне было семнадцать, я только что закончил школу, и ещё я был большим дураком, как выяснилось чуть позже. Мои родители довольно быстро узнали о том, что в Питер “с друзьями” я ездил не для того, чтобы ходить в филармонию, Мариинку и Эрмитаж.

Офигенно, к слову, тогда отыграли. Целых три концерта, я всё время как контуженный ходил от такого счастья. Если бы

Если бы не драка с поножовщиной, вспыхнувшая в зале во время нашего последнего выступления. Я тогда не особо удивился факту, что в клуб смогли пронести нож: в те времена шмон на входе проводился охраной довольно формально, проносили и не такое. В свалке досталось и нам — нашему вокалисту основательно расквасили нос, и даже я, никогда в жизни не лезший в драку, заработал случайный фингал в общей кутерьме, пытаюсь вместе с басистом спасти от толпы его гитару под оглушающий женский визг.

Приехавшая полиция разбираться на месте не стала, и мы всей группой оказались в отделении вместе с бузотёрами и сочувствующими. Там-то и выяснилось, что я несовершеннолетний. До восемнадцатого дня рождения мне оставалось ещё четыре месяца и, разумеется, несмотря на все мои мольбы и уговоры, меня сдали на руки родителям. Да ещё питерская пресса тогда здорово по нам потопталась. На такую славу парни совсем не рассчитывали.

До сих пор не могу забыть взгляд отца, под которым меня спустя двое суток вытаскивали из обезьянника, словно рыбку из общего аквариума в зоомагазине, на которую указал пальцем покупатель. Именно взгляд — отец до самого дома так и не сказал мне ни единого слова. Я почти физически ощущал, как сначала он ощупал моё лицо, задержавшись на фонаре под моим глазом, потом, будто оставляя на моей шее длинную царапину, спустился на заляпанный кровью воротник моей футболки. Кровь была не моя — в тесноте обезьянника наш вокалист просто не нашёл иного знакомого ему плеча, чтобы уткнуться туда разбитым лицом и высказать свои сожаления по поводу произошедшего, используя из печатных слов только предлоги. Но взгляд отца вернулся к моим глазам, а потом просто отвернулся, и я понял, что мне предлагается следовать за отцом *на волю*.

Я последовал. Куда мне было деваться.

По возвращении домой я и обнаружил почти пустую комнату. Меня поставили перед фактом, что учиться я теперь буду за границей. Из университета, куда я поступил на тот момент, мои документы уже успели забрать. Папенька и маменька подняли все свои связи, чтобы извлечь меня из неподобающей среды развратников и наркоманов.

Не то, чтобы они совсем были неправы — кое-чем и ребята баловались, да и я успел попробовать, но эффекта я совсем не понял. От хорошо исполненной партии меня штырило гораздо сильнее, и вся наркота просвистела мимо меня, практически не зацепив.

Я попробовал было возмутиться, сославшись на то, что я, вообще-то, почти совершеннолетний. Отец только рассмеялся.

Меня отправили в Англию, в практически закрытое заведение, где за каждым моим шагом вёлся полнейший контроль, не оставляя мне ни единого шанса стать плохим мальчиком.

Я по сей день считал этот вечно выстуженный старинный замок на побережье, где мне пришлось прожить четыре года, филиалом ада. В Англии мне было чертовски плохо. Меня там раздражало всё — от погоды, отвратительной еды и необходимости строго одеваться до соседа по комнате, белобрысого отпрыска какого-то занюханного пэра, смотревшего на сына русского нувориша, как на унтерменша, но при этом не гнушавшегося стучать на меня, если и не напрямую моему отцу, то тем, кто приставлен был за мной приглядывать. За небольшую плату. В последний год он, правда, съехал в частное жильё и со мной не разговаривал. Аккурат с тех пор, как на одной из вечеринок обнаружил меня в одном из укромных уголков со спущенными штанами между ног у его подружки, которой недвусмысленно нравилось то, что я с ней делал. У девчонки-то родословная тоже была, как у породистого пуделя, но вот взгляды гораздо шире — трахалась она не с родословной.

Но это было так, из чистой вредности. Большую часть времени в этом чёртовом колледже я чувствовал себя отчаянно одиноким, вытасненным из воды на сушу и вынужденным как-то выживать в откровенно враждебной мне среде. Дворяжкой на графской псарне. Чтобы не сойти там с ума, я бесконечно зубрил итальянский язык и зачёркивал в календаре дни до возвращения в Россию. А на последнем курсе, доучиваясь в магистратуре и не ставя родителей в известность, подал документы в аспирантуру одного из московских ВУЗов, чтобы иметь железный аргумент для возвращения. Перспективу дальнейшей жизни среди пэрских отпрысков я для себя не рассматривал.

Группа моя нашла нового ударника, пусть и не сразу, заработала себе имя и какую-никакую популярность — первое время я без конца гуглил всё, что было с ними связано. Когда это стало выходить за рамки нормального и сказалось на успеваемости, университетский психолог после вдумчивой беседы, половину которой я рыдал в три ручья, отправил меня с записочкой к своему коллеге-терапевту, чтобы тот выдал мне таблетки, и напомнил, что в прошлое возврата нет. И лишь с его помощью я потихоньку отпустил от себя тот сумасшедший год со своей сумасшедшей бандой и дожил до получения диплома.

Сейчас группа вроде бы распалась — пусть я точно не знал, но активной концертной деятельности парни больше не вели. А вот несколько альбомов записать успели. Я один раз даже слышал их песню по радио, когда ехал в такси из аэропорта. Ударную партию из неё я могу повторить до сих пор, хотя прошло пятнадцать лет.

Я закрыл глаза и представил, как отстукиваю этот ритм. Так и уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.